

Мир желает быть обманутым.

*Карло Караффа,  
папский легат*

## Глава 1

За дверью громко спорили женские голоса: один непримиримо требовал пропустить; другой, утратив привычное хладнокровие, возражал, срываясь на истеричные нотки.

— Я все равно пройду! Отойдите, Ирина Викторовна, — надрывался от собственной решимости первый голос, — не заставляйте меня устраивать потасовку!

— Я заставляю? — громко возмутился второй голос. — Это вы на пустом месте провоцируете скандал. Рабочий день закончился час назад. Так? Вы сегодня не записывались на прием. Так? Сорвали мне телефонные

переговоры с клиентом, — голос стих, затем зазвучал вновь, но уже примирительно и слащаво: — Виалета Сергеевна, — голос, явно принуждая себя, произнес имя собеседницы с одной «т», — я не могу пропустить вас к врачу в таком состоянии. Выглядите вы хуже, чем перед первым приемом. Сядьте, успокойтесь. Хотите чаю, кофе или воды?

— Простите, Ирочка, — всхлипнул второй голос. — Вы правы. Я не могу в неопрятном виде идти к доктору, но... пойду в любом. Мне очень важно поговорить с Риммой Эдуардовной.

Римма Эдуардовна Сватко — врач, на прием к которому настойчиво рвалась Виалета Захарова, сидела за большим письменным столом своего кабинета и пыталась сосредоточиться на последних минутах футбольного матча чемпионата Европы. Шум за дверью делал это невозможным. Римма Эдуардовна отдавала должное мастерству администратора, всеми силами сглаживающей конфликт, но, видя безуспешность ее усилий, начинала нервничать. Пропустить матч, где решалась судьба российской команды — попадет она в четверть финала или нет, — для Сватко при-

равнивалось к всемирной катастрофе, однако оставить просьбу пациентки без внимания врач не могла. С недавних пор здоровье, личная жизнь и даже судьба Виалеты Захаровой всецело в руках доктора, и она не вправе распоряжаться ими в зависимости от смены настроения, режима рабочего времени и тем более матча, в котором российская сборная бездарно пропускает один гол за другим.

Римма Эдуардовна утомленно вздохнула, щелкнула пультом дистанционного управления (звук пропал, но изображение на экране телевизора осталось), затем нажала на кнопку селекторной связи:

— Ирина Викторовна, пропустите пациентку.

По привычке взглянув в настольное овальное зеркальце, доктор устало отметила, что «каре» опять сбилось набок. Челка начиналась где-то в районе уха и заканчивалась посередине лба — волнение от просмотра футбольного матча не прошло даром. Одним движением руки она поправила волосы и подумала, что интуиция — великая вещь. Раз строптивый парик пришелся ей не по душе с самого начала, не стоило заводить с ним долговременных

отношений. Но Ирина Викторовна для общего имиджа строгой докторши посоветовала именно его. Ничего не оставалось, как согласиться с администратором, разбравшимся в вопросах создания женского образа, и бороться со «стильной» прической перед заходом каждой посетительницы.

— Ирина Викторовна, так где пациентка? — терпеливо осведомилась врач.

Виалета нерешительно остановилась возле двери, опустила голову и с какой-то нездоровой тщательностью начала рассматривать носы туфель, точно могла найти в них убедительные основания своей робости. Подняв глаза и встретив полный недоумения взгляд Ирины, наконец прошла в кабинет.

Приятный полумрак, особенно густой там, где сидит врач-психотерапевт, ненавязчивый шум фонтанчика в углу, едва слышные мелодии леса из стереоколонок, обволакивающая мягкость дивана. Все как всегда. Обстановка огромного кабинета, своим видом больше напоминающая гостиную жилого дома, немислимым образом успокаивала и настраивала на неторопливую душевную беседу.

Виалета робко села на край дивана, а не легла, как на предыдущих сеансах.

— Извините, Римма Эдуардовна, за вторжение, — с просительными нотками в голосе заговорила она, — но я была вынуждена. Если я не предприиму решающего шага, катастрофа неизбежна. Мои худшие предположения становятся реальностью, и я осмелилась обратиться к вам с необычной просьбой.

Ее голос сорвался. Умиротворяющая обстановка кабинета вдруг начала действовать на нервы — фонтанчик в углу зашумел с грозностью водного потока, низвергающегося в пропасть. Голоса птиц из динамиков зазвучали насмешливо и неправдоподобно. Девушку выводила из себя даже Римма Эдуардовна, сидящая за столом неживым сфинксом и с завидным хладнокровием наблюдавшая за суетой пациентки. От мысли, что никому нет дела до ее трагедии, стало необычайно обидно. Она расплакалась, размазывая ладонями слезы по щекам, всхлипывая и судорожно переводя дух.

— Она не зарегистрирована в списках, но я достоверно знаю — она там будет! Понимаете, что из этого следует? — Девушка приложила ладони к глазам, точно закрываясь от страш-

ного видения перед собой. — Она будет жить в его каюте! Слышите? Она и ночевать у него останется! Катастрофа... Я не понимаю, как он может поступать со мной так жестоко?!

— Успокойтесь! — прервала Римма Эдуардовна стенания пациентки. Ее неожиданно низкий и твердый голос, хотя обычно она говорила мягко, как бы упрощающе, заставил Виалету вздрогнуть и подчиниться. Доктор открыла ящик стола, полный новых носовых платков, взяла один и протянула пациентке, с досадой отмечая, что полторамесячная терапия идет псу под хвост. Налицо явная регрессия. Двадцатишестилетняя девушка сегодня прибавила себе лет десять. Темные круги под глазами, красноречивые свидетели бессонной ночи, невыгодно оттеняют землистый цвет кожи. Пальцы беспорядочно скачут по коленям, не слушаясь приказов мозга, наверняка заставляющих их лежать смирно. Подбородок дрожит, глаза блестят затравленно и отчаянно. Темно-русые с рыжинкой локоны поблекли и висят безжизненными прядями. Выходит, Сватко — доктор так себе, и весь ее эксклюзивный метод не стоит выеденного яйца? Ну уж нет! Если господин несчастный случай

вмешивается в процесс выздоровления, не доктор тому виной.

Еще два дня назад, на предыдущем сеансе, Виалета была ослепительной красавицей, если и не уверенной в себе, то полной надежды. Ее светло-карие глаза мерцали в полумраке кабинета янтарной теплотой. С матового цвета лица не сходил естественный румянец. Стройная фигурка с плавными изгибами порхала по кабинету, не в силах усидеть на месте. Она воодушевленно строила планы на будущее, и все ее лицо начинало светиться от предвкушения счастья. Во что она превратила себя теперь? В жалкое замученное существо, большинство переживаний которого родилось исключительно в ее голове и не имеет фактического подтверждения. Однако для нее они реальны. Реальна ее любовь к сослуживцу, реально наличие соперницы, реально противостояние всего мира ее счастью. Вот еще одно подтверждение истины, с которой доктор встречается каждый день. Любовь слепа, глупа и зла. В лучшем случае она доводит до блаженного помутнения рассудка, в худшем — до скрытой депрессии. Вдоволь насмотревшись на чужие муки, Сватко была довольна, что до сегодняшнего дня ей

удавалось обходить стороной воспеваемое поэтами чувство, а если оно изредка подбиралось к околице ее сердца, она безжалостным ударом здорового цинизма убивала его наповал. При этом, как лекарь людских душ, не забывала — к ней идут не для того, чтобы искоренять любовь, а чтобы ее найти и укрепить. Приходилось прилагать дьявольские усилия, чтобы несбыточные романтические желания пациентов обратить в свершившийся факт.

Римма Эдуардовна терпеливо ждала, когда иссякнут первые бурные потоки слез и Захарова будет в состоянии вести связное повествование и поддерживать диалог.

— Дорогая Виалета Сергеевна, — начала она после того, как девушка достала из сумочки зеркальце, посмотрелась в него и скривила недовольную гримаску. — Я не поняла из твоих объяснений ни слова.

Захарова шумно закинула зеркальце в сумочку и опять начала всхлипывать. На немом экране высветился результат окончания матча. Два-два. Римма Эдуардовна под столом задергала ногой, но новый наплыв раздражения никак не отразился на ее лице.

— Давай-ка я попрошу Ирину Викторовну

принести тебе чаю, — тоном терпеливой нянюшки проговорила она. — Затем ты откинешься на диване, закроешь глаза, возьмешь наушники, минут десять послушаешь приятную музыку, а потом мы побеседуем.

Доктор скосила глаза на телевизор, благо за темно-дымчатыми стеклами ее очков проследить за взглядом не представлялось возможным. На экране уже били серии пенальти. Новый счет на табло ясно давал понять — не видать россиянам четверти финала, как японцам Курил, если они пропустят последний мяч. Римма Эдуардовна на мгновение застыла, точно восковая фигура.

— Я не хочу пить, — прервала Виалета зрительный контакт доктора с голубым экраном. — Я хочу попросить об одолжении... Помогите мне!

Римма Эдуардовна повернула лицо в сторону посетительницы, хотя ее глаза все еще были прикованы к телевизору, в котором вратарь руками, выросшими не с того места, перечеркнул будущее сборной России.

— Нет!!! — выкрикнула врач, испытав острый приступ патриотизма и ненависть к средствам массового вещания.

— Как нет? — оторопела девушка от столь категоричного отказа. Ее нижняя губа задрожала, а глаза вновь начали наполняться слезами. — Вы... вы же обещали помогать мне.

Римма Эдуардовна сосредоточенно нахмурила брови и щелкнула пультом. Экран потух.

— Извини, я не для тебя сказала. Конечно, я помогу. Не будем откладывать разговор на целых десять минут, — с непроницаемым лицом проронила она. — А чай убедительно рекомендую попить.

— Чай? — поморщилась Виалета. — Тот самый вяжущий настой из тибетских трав, после которого полдня тянет в сон?

— Конечно. Чудный чаек, — вкрадчиво вещала врач, точно уговаривала маленького ребенка принять горькую микстуру. — От него не только хочется спать, но и хочется жить.

— Давайте ваш чай, — согласилась Виалета, в очередной раз удивляясь магическому воздействию низкого и чуть неестественного голоса врача.

Римма Эдуардовна по селектору заказала секретарю чашку эликсира клиенту и «как обычно» ей. Буквально через несколько секунд появилась Ирина Викторовна с подносом в

руках. Угостив Виалету чаем, она подошла к доктору, подала ей другую чашку и спросила так тихо, что Римма Эдуардовна едва расслышала ее вопрос:

— Наши продули?

— Не сыпь соль на рану, — угрюмо констатировала доктор, после чего задумчиво посмотрела в свою чашку, выдохнула воздух и залпом выпила содержимое, следом положила на язык дольку лимона и легким наклоном подбородка поблагодарила секретаря. Напиток «как обычно» — пятьдесят граммов армянского коньяка — расслабил врача не хуже тибетского чая. Римма Эдуардовна была не против предложить спиртное и Виалете, если бы не врачебная этика, постоянно докучавшая доктору железными правилами и порой мешавшая эффективному лечению.

Оставшись один на один с Захаровой и видя ее быстрое возвращение к адекватному состоянию, она деликатно напонила:

— Виалета, что у тебя произошло?

— А? — переспросила девушка, растерянно глядя по сторонам. — Зачем вы через динамики включили свой голос?

Римма Эдуардовна дернула щекой — сек-

ретарь для ускорения эффекта подала клиенту двойную дозу чая? Надо бы сделать ей выговор за самоуправство.

— Извини, сейчас отключу, — без обиняков согласилась доктор, выждала пару минут и заговорила гораздо тише: — Так нормально?

Девушка кивнула и, точно вспомнив, зачем рвалась на прием, затараторила:

— Только вы сможете мне помочь! Ваш опыт и знания способны вершить волшебство. Не спорьте, я знаю что говорю. Благодаря вам Александр заметил меня, и это почти чудо. Если бы не досадная случайность, наши отношения уже вышли бы за черту приятельских встреч.

Римма Эдуардовна философски взглянула на пустое донце своей чашки и подумала — как у женщин все просто. Если мужчина пригласил на пару свиданий (что и было в данном случае), несколько раз подвез домой с работы, по-дружески чмокнул в щеку — это непременно должно означать у него наличие серьезных намерений. Тогда как появление другой женщины на горизонте определяется лишь «досадной случайностью».

— ...вчера я узнала от Кати Самохиной,

моей подруги — она бухгалтер и в курсе всех финансовых подвижек в нашей фирме, — таторила Захарова, — что Амалия не собирается регистрироваться в списках...

— Не торопитесь. Какие списки? — деликатно перебила ее врач. Виалета вновь начала волноваться и сбиваться с мысли. Тибетский чай, как ни странно, оказался слабоват, и секретарь была права, когда налила две дозы.

— Списки? Ах да, — спохватилась девушка, глубоко вдохнула, точно ныряльщик перед погружением, и зачастила вновь: — Наша фирма «Феникс» объединяется с более крупной, «Магнатом». Слияние планируется отметить банкетом и двухдневной прогулкой на теплоходе «Чехов» в ближайшие выходные. Явка руководителей и сотрудников высшего звена, как всегда, желательна, но необязательна. Амалия Хлыстова — финансовый директор «Магната», она должна и будет присутствовать на ознакомительной вечеринке, о чем еще не заявила ни нашей, ни своей бухгалтерии. С некоторых пор, а именно: недели полторы назад, я начала подозревать, что Александр неровно дышит в ее сторону. Извините, что не сообщила вам — считала это пустыми

домыслами. Но теперь я уверена — Шестопа-лов увлекся финансовым директором «Магната», а она отвечает ему взаимностью... Она не регистрировалась, а значит, будет ночевать в его каюте... и дураку понятно — не из-за нехватки мест на «Чехове». Что мне делать? — выпалила девушка на одном дыхании и, как будто отдав доктору своим рассказом внутренний стержень, надрывно всхлипнула, потом еще раз и заплакала.

— Ну и логика! Чисто по-женски, — качая головой, подытожила доктор. — А если Хлыстова вообще не едет на вечеринку?

— Едет. Билет она купила в кассе морского вокзала. Я м-м-м... следила за ней. Для чего ей эти сложности, как если не скрывать свою связь? — выпалила девушка.

— Опять двадцать пять. Разве покупка билета не через вашу бухгалтерию — сокрытие связи? Ее же увидят на теплоходе представители двух фирм.

— Да? — на мгновение задумалась Виалета. — Это неважно... Важно, что я сегодня в обеденный перерыв видела их вдвоем. — Она стукнула кулаком себя по колену. — Они сидели за столиком плечо к плечу, и он ее обнимал.

Представляете, при всех! Скажите, Римма Эдуардовна, может простой начальник отдела тискать на глазах у всех финансового директора, если между ними только деловые отношения?

— Не может, — неохотно согласилась врач. — Но открытое проявление подобных контактов говорит о том, что Хлыстова ни от кого не прячется.

— Какая разница, прячется она или нет?! — в отчаянии всплеснула руками девушка и тут же, сменив выражение лица на ожесточенно-решительное, воскликнула: — Я тоже поеду на теплоходе.

— Нет! — не сдержав эмоций, выкрикнула врач, в следующий миг осадилась себя: выдавать собственные чувства во время «терапии» — верх непрофессионализма. Как бы ты не переживал и не сочувствовал пациенту, ты лишь сторонний советчик, и от твоей непробиваемой выдержки зависит, поверит он в твою исключительность, близкую к божественной, или же приравняет к простому смертному. — Виалета, в периоды стресса я запрещаю клиентам предпринимать самостоятельные шаги к цели. Ты же хорошо знаешь закон двух кон-

стант: человек не в состоянии контролировать своих поступков, пока не достигнет эмоциональной стабильности.

— Я знала — вы ответите что-нибудь в этом духе, — подозрительно быстро согласилась Виалета. — Именно потому, что я эмоционально не стабильна, вы едете со мной! Я заказала два билета в одну каюту. На себя и на вас.

— Нет! — гаркнула Римма Эдуардовна таким низким голосом, что девушка в страхе вжалась в мягкую спинку дивана, точно искала у нее защиты. Доктор шумно выдохнула — ситуация все-таки вышла из-под контроля. Пациент манипулирует врачом. Пора брать отпуск и ехать к черту на кулички, куда-нибудь в глухую деревушку, чтобы месяц пожить собственной жизнью, поразмыслить о собственных желаниях, если они еще остались... А как быть с длинным списком клиентов, которые ждут помощи? Она будет отдыхать, предаваться меркантильным грезам где-нибудь на берегу речки с удочкой в руках, а пациентки — безрадостно углубляться в тонкости бесполезного договора со Сватко и терпеливо дожидаться ее приезда? Стоило ли тогда вообще создавать эту «богадельню» под вывеской вра-

ча-психотерапевта? — Виалета, извини, но я не могу ехать — знаешь, работа в выходные и все такое. Но я обязательно что-нибудь придумаю. Обещаю.

— Я сама уже все придумала. Только выслушайте, — взмолилась Виалета, глядя на доктора страдающими глазами, в уголках которых притаились крупные прозрачные слезинки.

Врач, не замечая своих действий, застучала подушечкой указательного пальца по столу. Опять будут слезы? Следы безнадежности и горечи. Обычно она относится к подобным издержкам работы с глубокомысленным пониманием, но сегодня жалкий и убитый вид Виалеты не смог оставить доктора в роли стороннего зрителя. Непробиваемая броня Риммы Эдуардовны дрогнула, взгляд смягчился. Ей стало невыразимо жаль несчастную девушку. Она будет рада помочь. Но ехать с ней на теплоходе — полный абсурд!

Виалета уловила незримую перемену в атмосфере кабинета и воодушевленно начала излагать свой план. А именно: Захарова давала себе отчет, что в присутствии Александра и его возможной любовницы наверняка наделает

глупостей, поэтому она приглашает доктора в попутчицы, помощницы и советчицы, для которой поездка станет не столько работой, сколько отдыхом. К тому же бесплатным.

Римма Эдуардовна поморщилась, точно ее тесные туфли стали еще на два размера меньше — финансовый вопрос ее не заботил, и очевидный факт, когда пациентка решила, что доктора можно купить, ее раздражал.

Виалета тем временем продолжала:

— В благоприятной обстановке отдыха я сумею уловить глубину отношений Шестопалова и Амалии. А вы, Римма Эдуардовна, сможете на месте дать совет, как вбить клин в эти отношения...

Девушка все говорила, а у доктора в груди росло тоскливое чувство, что она не имеет права отказать Виалете. Для нее сейчас поездка компаньоном-помощником равноценна глотку свежего воздуха в душной комнате. Врач попросту не может не считаться с жизненно важными желаниями пациентов. А как поступать в том случае, если врач ехать не в состоянии? Прогулка на теплоходе закончится крахом всей ее карьеры, которую она с превеликим трудом и изобретательностью вылепи-

ла своими руками. Интуиция подсказывала ей, что так и случится.

Пока Виалета объясняла детали своего плана, перед глазами доктора пролетели дни от первого посещения Захаровой этого кабинета до нынешнего, а также история ее неразделенной любви. Итак, Виалета, ведущий архитектор строительной фирмы «Феникс», полтора года влюблена в начальника конструкторского отдела Александра Шестопалова. Скромная, общительная и непосредственная по натуре, она терялась в его обществе, не могла сказать и двух банальных фраз, несла откровенную чушь вперемешку с неуместными комплиментами в его адрес. Она слышала, что Александр за глаза называет ее смешной симпатичной чудачкой, и считала это из его уст любезностью, вроде «очаровательная недотрога», хотя от другого мужчины посчитала бы оскорблением типа «неказистая дура».

Абсолютное отсутствие внимания со стороны Шестопалова повлекло за собой ряд кардинальных мер: она начала одеваться и вести себя более раскованно и экстравагантно, уйму времени посвящала прическе, макияжу и пустым «салонным» разговорам с сослуживица-

ми, чем вызывала неодобрительные взгляды начальства. Она буквально не давала проходу предмету своего воздыхания, организуя «случайные» встречи, не имея возможности следовать за ним только в командировки. Боязнь Захаровой самолетов и любых летательных аппаратов делала затруднительными их совместные поездки.

Несмотря на энергичный штурм, его интерес остался на прежней нулевой отметке. Виалета не теряла энтузиазма и руки не опускала. Она обложила добрым десятком книг на тему «как соблазнить и влюбить в себя мужчину», но в итоге поняла, что авторы «бестселлеров» были очень далеки от истины, когда утверждали, что кулинарным искусством, терпением, всепрощением и личным участием во всех увлечениях «жертвы» можно найти дорогу к его сердцу. Эта дорога в лучшем случае могла закончиться в его постели. Дальше — тупик. На подобный бесславный и бесперспективный путь Захарова не хотела соглашаться, а потому продолжала штурмовать подступы к душе Шестопалова. Она прибегала к помощи подруг, более сведущих в делах сердечных, нежели вышеупомянутые авторы документальных

романов. Сама Виалета до определенного времени обходила мужчин стороной, всецело посвятив себя учебе в вузе, затем продвижению по службе в «Фениксе», считая — личную жизнь необходимо обустраивать, когда для нее есть собственный материальный фундамент. Женская телесная природа ее тела, естественно, не позволяла слишком отдаляться от мужчин, посему в ее короткой жизни случилось уже два романа, основанных сугубо на эмоциях и сексе и закончившихся плачевно, как у всех женщин, которые ждут от противоположного пола больше, чем те могут дать. В общем, она разуверилась в душевности отношений двух полов, предполагая, что когда подойдет ее время выходить замуж и рожать детей, она без труда подыщет достойную кандидатуру без вредных привычек, который сможет стать хорошим отцом и, возможно, когда-нибудь любящим мужем. На корпоративной встрече Нового года она случайно сблизилась с новым сотрудником «Феникса» Шестопаловым. Он по всем статьям (не курит, пьет мало, занимает приличную должность, за женщинами не волочится) подходил ей в мужья. Чувство самосохранения вдруг взбунтовалось в ней,

и она поняла — разделить свою жизнь с нелюбимым мужчиной выше ее сил. Тогда ее мозг придумал обходной путь — девушка внушила себе, что безумно влюблена в Александра. Причем подробно описала врачу те качества, за которые и почувствовала к Шестопалову нежную привязанность. Он умен, честен, аккуратен, ответственен, недурен собой.

Последний вывод достаточно быстро оформился в голове Риммы Эдуардовны, опытного и много повидавшего врача, — невозможно любить человека за что-нибудь. Уважать, преклоняться, завидовать, подражать — да; любить — нет. Еще один вывод доктора состоял в том, что ранимую, чувственную и эмоциональную Виалету практически невозможно переубедить в факте, что объект ее воздыхания на самом деле ей безразличен. В ней говорят всего лишь биологические часы, впечатлительная натура и желание отдать нерастраченные чувства мужчине, который хоть немного похож на ее идеал. Не тот идеал, что она обрисовала доктору, а тот, что сформировался в ее душе задолго до осознания ею необходимости замужества. В итоге Римме Эдуардовне приходилось подталкивать Виалету к неминуемой

развязке, а именно: «к выходу за черту приятельских отношений», которые в дальнейшем выльются в безвременную кончину ее третьего романа. Избавившись от призрачных миражей в душе, она будет готова к настоящей терапии, и только тогда Римма Эдуардовна станет ваять из нее самодостаточную, уверенную в себе и в своей привлекательности женщину, способную разглядеть в толпе мужских особей единственного, которого можно пустить в свою счастливую жизнь. В противном случае, если доказать Виалете ее ошибку сейчас (настоящий доктор в силах убедить пациентку в чем бы то ни было), она не сумеет разобраться в своих желаниях, страстях и возможностях, и каждый раз будет поскользывается на ровном месте, принимая героя чужого романа за мужчину, ради которого стоит жить.

Римма Эдуардовна вздохнула — ее метод жесток. Путем собственных ошибок (именно собственных, а не чужих) человек узнает себя быстрее и лучше, чем в этом помогут десятки книг и советов. Можно, конечно, выбрать и второй путь, теоретический, к которому в большинстве своем прибегают его коллеги, путь внушений и нравочений, но, как пока-

зывает практика, такое «лечение» не уберегает от дальнейших ошибок. И потом, женщины живут, в полном смысле слова, только на пике чувственных ощущений, будь то любовь или ненависть, надежда или отчаяние, а не тогда, когда научатся анализировать себя и непременно поступать правильно. Вопрос в том, чтобы их чувства не привели их к точке невозврата, когда они навсегда разуверятся в необходимости душевных переживаний.

Римма Эдуардовна провела ладонью по лицу, чтобы отвлечься от немой самолекции, и посмотрела в глаза Виалеты, которые излучали такую веру, что доктор не могла отказать.

— Хорошо, я поеду, — решила Римма Эдуардовна. — Во сколько нужно быть на причале?

— К шести вечера! — радостно воскликнула девушка, подбежав к столу. Она схватила ладонь доктора и начала ее трясти в порыве благодарности. Неуместной мыслью в ее голове проскользнуло — какая большая рука, будто мужская. Да и сама Римма Эдуардовна, точно исполин, возвышается над столом. Она, как женщина, не ахти — огромная, широкая, лицо скуластое. С такой внешностью навер-

няка тяжело найти близкого... друга, вот и остается — работать и работать. Зато большой отрицательный личный опыт, должно быть, помогает ей точнее и быстрее решать чужие проблемы.

— Виалета, никаких физических контактов, — напомнила доктор, мягко вынимая крупную ладонь из маленькой руки девушки. — До завтра.

— До завтра! — соловьем залилась пациентка, выскальзывая из кабинета.

Не успела захлопнуться за ней дверь, из приемной показалась администратор, спеша забрать пустые чашки.

Римма Эдуардовна сняла очки и, провожая Ирину Викторовну взглядом, ухмыльнулась — на сегодня маскарад окончен, можно расслабиться и позволить себе невинную шалость. Она дождалась, когда администратор, она же секретарь, она же первый и главный помощник врача, она же сексапильная девушка около тридцати, облаченная в мини-юбку, подойдет к столу, и шлепнула ее увесистой ладонью по ягодице.

— Ой! Что вы себе позволяете? — возмутилась Ирина. Ее негодование прозвучало так